

Введение

В этом году мы отмечаем 100-летнюю годовщину Кронштадтского восстания. Одно из самых важных событий в истории России XX века остается во многом неизвестным. Советские историки придерживались принятой партийной схемы, продолжая в течение десятилетий называть его белогвардейским мятежом. Участников восстания называли полуграмотными крестьянами, призванными на смену пролетариев, служившим во флоте до революции, а потом ушедшим на фронт защищать власть большевиков. Западные историки, лишенные доступа к архивам Советского Союза, не могли дать адекватную оценку Кронштадтскому восстанию. В этой работе, используя архивные материалы России, Финляндии и США, я попытаюсь восстановить полную картину тех дней.

Для того чтобы разобраться в событиях русской истории этого периода, определивших судьбу страны на десятилетия вперед, надо отчетливо понимать, что происходило в те дни в Кронштадте. Я показываю, что восстание было стихийным, никем не подготовленным событием.

В Кронштадте действовали три силы: Временный революционный комитет (ВРК) во главе с С. М. Петриченко, Штаб обороны крепости и рядовые матросы и солдаты. Несмотря на стихийный характер восстания, ВРК при каждом своем шаге взвешивал политические последствия, отказывался от любой помощи из-за границы, чтобы не быть заподозренным в связи с белогвардейцами. Запуганные террором революционных лет офицеры не играли никакой роли в организации восстания. Будучи под еще большим контролем восставших, чем красные командиры у комиссаров, они не верили в успех восстания, боялись матросов и хотели только одного — уйти

Введение

в Финляндию. Матросы же, прекрасно усвоившие уроки революции и Гражданской войны и увидевшие, что вместо демократической советской власти установилась диктатура, невиданная даже в русской истории, в которой диктаторов хватало с избытком, рвались в бой, понимая, что подавляющее большинство рабочих, крестьян и красноармейцев на их стороне.

Это восстание не было похожим на то, что происходило во время Гражданской войны в России, где все участники событий проливали потоки крови, а кронштадтцы не расстреляли даже лидеров большевиков.

Восстание в Кронштадте было самым крупным из многих десятков других больших и малых восстаний, охвативших всю страну. Хотя программа НЭПа была принципиально принята еще до восстания, массовые выступления показали Ленину необходимость введения НЭПа, с одной стороны, и установления жесточайшей диктатуры в партии и стране — с другой. Если раньше в партии до определенных границ допускалась свобода слова, то теперь с этим было покончено. Сталинский режим был установлен Лениным в 1921 г.

Обзор источников и литературы

При написании данной работы автор пользовался разнообразными источниками. Во многом книга основана на материалах двух финских архивов в Хельсинки. В первую очередь это Национальный архив Финляндии (Suomen Kansallisarkisto) (далее — KA), его составная часть — военный архив (Sota-arkisto) (далее — Sark), в котором были проработаны все дела фонда «Комендантский отдел юго-восточной границы». В этом фонде отложилось много материалов, часть из которых автор впервые вводит в научный оборот. Переписка С.М. Петриченко с представителями финских властей; жалоба губернатору Карелии на тяжелую эксплуатацию кронштадтских беженцев; письмо отцу-эконому Валаамского монастыря; письма руководителей обороны Кронштадта: А. Н. Козловского, Б. А. Арканникова, Е. Н. Соловьянова представителям финских властей с рассказом о Кронштадтском восстании; заседания ВРК за границей и многое другое. Очень интересные материалы находятся в Архиве Министерства иностранных дел Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto) (далее — EHRI), в котором отложились документы Государственной полиции (Службы государственной безопасности Финляндии). Это переписка МИД Финляндии с соответствующими ведомствами Польши, Литвы, Латвии и Эстонии о кронштадтских беженцах — выходцах из этих стран; переписка с советскими представителями об отправке беженцев, желающих вернуться в Россию; переписка с кронштадтцами и т.д.

Автор использовал материалы Архива Гуверовского института, Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния (Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California) (далее — HIA). Из российских архивов я хотел бы отметить Российский

государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ), находящийся в Санкт-Петербурге. Были обработаны фонды штаба и политического управления Балтийского флота и информационного отдела Балтийского флота, линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». Материалы дают достаточно полную картину событий в Кронштадте, действий военного руководства по подавлению восстания, настроения войск, разведывательную информацию о Кронштадтском восстании. Автор пользовался материалами Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ). В находящихся в нем фондах Русского заграничного исторического архива в Праге был использован личный фонд В. М. Чернова, в котором находятся письма, написанные им во время Кронштадтского восстания. Мы подробно изучили фонд Г. Е. Зиновьева (Радомысльского), где находятся никогда ранее не использованные материалы о действиях Северного боевого участка 7-й армии. В книге приводятся документы и материалы, находящиеся в Российском центре хранения и изучения документов и материалов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), в т. ч.: материалы X съезда РКП(б), листовки и воззвания партии социалистов-революционеров, материалы заграничных организаций ПСР, документы ВЧК о Кронштадтском восстании, о положении в стране, оперативные сводки командования 7-й армии. Автор использовал документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга из фонда Петроградского губернского совета профсоюзов.

При написании книги мы хотели познакомиться с воспоминаниями и дневниками непосредственных участников событий. К сожалению, известно очень мало воспоминаний восставших кронштадтцев. В первую очередь это написанные вскоре после подавления восстания воспоминания председателя ревкома С. М. Петриченко, напечатанные в «Новой русской жизни» (мы использовали перепечатку в журнале «Континент», 1976 г., № 10); статьи и интервью генерала А. Н. Козловского, воспоминания командира тяжелой артиллерии форта Риф Н. Ф. Макарова¹, в которых он описал ход восстания, отступление и уход в Финляндию. Из материалов, появившихся в распоряжении исследователей в последние годы, очень интересным является публикация известного специалиста по истории Гражданской войны в России, д-ра исторических

наук А. В. Гранина, опубликовавшего статью А. Б. Арканникова, начальника Штаба обороны Кронштадтской крепости во время восстания².

Лучше известны (и их значительно больше) воспоминания участников подавления Кронштадтского восстания: В. Громова, М. Рафаила, С. Урицкого, А. Слепкова, М. Кузьмина, В. Путны, П. Е. Дыбенко³. Через 70 лет после описываемых событий И. А. Ермолова, член революционной тройки, вспоминал о восстании. Ценность этого труда как исторического источника ослаблена тем, что по прошествии столь длительного срока автор многое забыл и иногда дает неверную информацию⁴.

В 1990-е гг. были опубликованы два очень ценных сборника документов. Первый из них «Кронштадт 1921» (Москва, 1997. Составители В. П. Наумов и А. А. Косаковский). В сборник вошли документы из семи российских архивов, в т. ч. двух недоступных для автора книги: Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ и Архив Президента Российской Федерации.

Очень ценной является публикация документов «Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы в двух книгах» (Москва, РОССПЭН, 1999 г.). В сборнике содержится более 800 документов и еще несколько тысяч были использованы при составлении примечаний и именного указателя из 8 российских архивов. Составители (отв. составитель И. И. Кудрявцев) проделали колоссальную работу и снабдили практически каждый документ цennыми замечаниями. К сожалению, во вводной статье Ю. А. Щетинова повторяются старые штампы советской историографии. Автор пытается доказать, что на смену матросам, участвующим в Кронштадтском перевороте, «приходила зеленая молодёжь, набранная по преимуществу из сельских районов юга России»⁵. Не менее спорный и вывод о существовании в Кронштадте группы «кронштадтских нелегалов», связи которых «тянулись <...> в Финляндию»⁶. Несостоительность этих выводов была неоднократно доказана в т. ч. и документами, которые приводятся в этом сборнике. Об их несостоительности рассказывается и в данной работе.

Одной из первых работ, написанных иностранцами о событиях Революции и Гражданской войны в России, стала брошюра

известного американского анархиста Александра Беркмана «Кронштадтское восстание». Эта работа сыграла огромную роль в разоблачении мифа об Октябрьской революции, во многом благодаря личности автора. А. Беркман — один из лидеров мирового анархистского движения, родившийся в Вильно, в богатой еврейской семье, племянник М. Натансона, в 18 лет переехавший в США. В 1892 г. он был приговорен к 22-летнему тюремному заключению за покушение на Г. К. Фрика, крупного предпринимателя, известного крайне жестоким отношением к рабочим. А. Беркман был освобожден из тюрьмы в 1906 г. В дальнейшем вместе со своей близкой подругой, наиболее яркой фигурой в анархистском движении в Америке, Эммой Гольдман неоднократно арестовывался. В декабре 1919 г. Беркман и Эмма Гольдман в составе группы из 200 анархистов были высланы в Советскую Россию.

Первые сообщения о большевистском перевороте вызвали у Беркмана восторженную реакцию. Он даже утверждал, что большевики выражают самое фундаментальное желание человеческой души. Эмма Гольдман написала хвалебный гимн: «Советская Россия! Священная земля великого народа! Ты стала символом надежды всего человечества, тебе одной ниспослано искупить его страдания, и я приехала, чтобы служить тебе, матушка»⁷.

Но через несколько месяцев пребывания в Советском Союзе, несмотря на желание увидеть в новом режиме лишь положительные стороны, от их энтузиазма не осталось и следа. «Я обращала внимание, как душат свободу слова на сессии Петросовета, на которой мы побывали, — писала Эмма Гольдман, — я с удивлением обнаружила, что в столовой Смольного членов партии кормят больше и лучше, чем прочих. И вообще, не могла не заметить царившую всюду несправедливость»⁸.

Более трезвомыслящая Гольдман гораздо быстрее разобралась в том, что творилось в России. Но восторженный Беркман, даже наблюдая всевозможные недостатки, продолжал истово верить в большевистскую революцию. Окончательно Беркман все понял во время забастовок рабочих в феврале и марте 1921 г. в Петрограде и восстания в Кронштадте. Узнав о характеристике восстания как «эссеровски-черносотенной» под руководством белогвардейцев,

Беркман пришел в ярость: «Это же просто бред: Ленина и Троцкого, наверное, кто-то ввел в заблуждение. Как они могли поверить, что матросы повинны в контрреволюции? Команды “Петропавловска” и “Севастополя” первыми поддержали большевиков в октябре и с тех пор ни разу не давали повода заподозрить их в отклонении от этого пути»⁹. Кровавое подавление восстания сделало Беркмана непримиримым врагом большевистской диктатуры. Он писал, что политика большевиков ставит страну на грань катастрофы. Он приветствовал движение кронштадтцев и осуждал подавление его «железной рукой». Беркман восторженно пишет о счастливой жизни в Кронштадте во время восстания: «Кронштадт возродился к новой жизни. Революционный энтузиазм оказался на уровне Октября. <...> Временный Комитет пользуется полным доверием кронштадтцев. Он завоевал всеобщее уважение безоговорочным следованием своему принципу “равные права для всех, никаких привилегий”»¹⁰. Он иногда несколько отступает от истины, когда описывает Кронштадт. Например, утверждая, что «Революционный Комитет был исключительно пролетарским»¹¹. Он подчеркивает преданность Кронштадта советской демократии: «Кронштадт был вдохновлен пламенной любовью к Советской России и безграничной верой в настоящие Советы»¹². Отношение Беркмана порой носит почти религиозный характер. В кронштадтцах он нашел свой идеал: «Кронштадт жил сознанием служения своей миссии. С неизыблемой верой в справедливость своей цели». Некоторые оценки Беркмана явно преувеличены: «В глубине своей славянской души они (матросы. — Л.П.) были глубоко уверены, что справедливость цели и сила революционного духа должны победить»¹³. Интересно, что Беркман сравнивает Кронштадт с Парижской коммуной, а руководителей большевиков с палачом коммуны — Тьером.

В конце концов, истовый анархист Беркман приходит к выводу: «Опыт Кронштадта еще раз доказывает, что правительство, государство — как бы это ни называлось или в какую бы ни было обличено форму — вечный, смертельный враг свободы и самоопределения»¹⁴. Беркман лучше понял ужас большевистской диктатуры, чем любой противник большевиков в левом лагере: «Он — “Кронштадт” продемонстрировал, что большевистский режим является абсолютной

диктатурой и реакцией и что коммунистическое государство является самой мощной и опасной контрреволюцией»¹⁵.

Из зарубежных историков мы рассмотрим работу британского историка и философа Г. М. Каткова. Он родился в 1903 г. в Москве, в известной русской дворянской интеллигентной семье; внучатый племянник выдающегося русского публициста и издателя правого направления М. Н. Каткова, сын профессора римского права М. М. Каткова. В 1901 г. семья эмигрировала в Чехословакию. Катков учился в Праге одновременно в русском и немецком университетах. Изучал санскрит, индологию и философию. Но после бегства в 1939 г. из оккупированной Германией Чехословакии в Британию круг его научных интересов изменился. Он стал заниматься русской историей, в основном Революцией 1917 г. и Гражданской войной. Некоторые его работы переведены на русский язык. В 1959 г. в престижном журнале *Soviet Affair* была опубликована его статья «Кронштадтское восстание»¹⁶.

Несмотря на то, что Катков не мог использовать при написании статьи советских архивов, он значительно лучше всех авторов, писавших о Кронштадтском восстании, сумел разобраться в этой сложной теме. Он четко определил роль балтийских матросов в Октябрьском перевороте и Гражданской войне: «Этот титул (краса и гордость революции) был им дан не за приверженность марксистским догмам, а за безжалостное использование экстремистских революционных методов. Они пронесли эту репутацию через всю гражданскую войну. Кронштадтский матрос стал знаковой и угрожающей фигурой, в какой бы роли он ни выступал, как комиссар, глава местного совета или спецподразделения в армии, как агитатор и организатор...»¹⁷.

Катков тонко определил, что в начале восстания кронштадтцы считали себя группой политического давления, а не заговорщиками. Он справедливо писал о сходстве взглядов восставших и рабочей оппозиции: «Идеологически рабочая оппозиция была значительно ближе к кронштадтским повстанцам, чем целому ряду групп, с которыми Ленин и последующие историки пытались ассоциировать мятежников. Это сходство было подчеркнуто Лениным и поддерживающим его большинством, что больше всего напугало лидеров

рабочей оппозиции, и они выступили против Кронштадта. Как все другие делегаты съезда»¹⁸.

Катков прекрасно разобрался в идеологии восставших, он подчеркивал их преданность идеи советской власти: «Они были и остались сторонниками советской власти. У них было классовое сознание, их либерализм не заходил так далеко, чтобы признать равные права для представителей эксплуататорских классов»¹⁹. Автор определил, в чем состоит различие между кронштадтцами и основными социалистическими партиями: «Лозунг «Третья революция» являлся важным стимулом Кронштадтского восстания <...>, кронштадтские матросы провели четкую линию между собой и теми, кто хотел вернуться к принципам Февральской революции»²⁰. Он стал первым историком, который показал разницу между кронштадтскими повстанцами и участниками всех остальных движений, направленных на свержение большевистской диктатуры любой идеологической направленности: «Очень важно открыть правду, особенно потому, что она показывает существенную разницу между антисоветской тактикой кронштадтских повстанцев и тактикой остальных антисоветских движений. Факт, что ни один коммунист не был расстрелян, никого не судили военным судом и Временный Революционный комитет не собирался никому мстить»²¹.

Достоинство этой статьи не снижают мелкие ошибки и неточности, допущенные автором. Например, он пишет, ссылаясь на слова Виктора Сержа, что некоторые офицеры, присланные с польского фронта в Оранienбаум, собирались восстать и присоединиться к кронштадтским матросам. Или его утверждение, что в первые дни восстания части Красной армии, направленные против восставших, были значительно больше и лучше вооружены.

Брошюра известного американского журналиста Эммануэля Полака «Кронштадтское восстание (первый вооруженный мятеж против Советов)»²² дает в целом верную картину восстания, разоблачает ложь большевистской пропаганды, многократно повторяющую советскими историками, но, к сожалению, содержит многочисленные ошибки. Они начинаются с названия брошюры. Это было далеко не первое вооруженное восстание, и оно было направлено

против диктатуры большевистской партии, а никак не против Советов, последовательными сторонниками которых были восставшие. Так, автор утверждает, что «Кузьмин приказал вывезти из города все запасы пищи и военного снаряжения»²³. Знаменитую фразу «Вас перестреляют как куропаток» автор почему-то приписывает Троцкому, хотя она принадлежала Зиновьеву. Он приводит фантастически преувеличенную цифру численности войск, штурмовавших Кронштадт: «60 тысяч отборных бойцов»²⁴. Самое невероятное преувеличение, что во время штурма Кронштадта было убито 18 тыс. повстанцев, что превышает число защитников Кронштадта.

Работа написана после Венгерского восстания 1956 г., и в ней проводятся параллели между двумя событиями, но в них не было ничего общего. Эта работа типичный пример поверхностных, научно-популярных работ о русской истории.

Примечания

¹ Петриченко С.М. Правда о кронштадтских событиях // Новая русская жизнь. 21, 22, 24, 27 апреля 1921 г. №№ 90, 91, 93, 95; Козловский А.Н. Интервью // Новая русская жизнь. 1 апреля 1921 г. № 73; Правда о Кронштадте // Новая русская жизнь. 5, 6 апреля 1921 г. №№ 76, 77; Причины падения Кронштадта // 8, 9 апреля 1921 г. №№ 79, 80; Макаров Н.Ф. Воспоминания. Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 336, 338.

² Арканников Б.А. В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А.В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

³ Громов В. Во время мятежа (из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 года) // 1917–1920 годы в Кронштадте. Кронштадт. 1922; Рафаил М. Кронштадтский мятеж (из дневника политработника). Харьков, 1921; Урицкий С. Красный Кронштадт во власти врагов революции // Гражданская война 1918–1921. М., 1928; Слепков А. Кронштадтский мятеж (к седьмой годовщине). М. ; Л., 1928; Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Популярный очерк. Л., 1931; Путна В.К. Кронштадт 16–18 марта 1921 г. // Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1962; Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018.

⁴ Ермолаев И. «Власть Советам!..» : о событиях в Кронштадте 1–18 марта 1921 г. // Дружба народов. 1999. № 3. С. 182.

⁵ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 6.

⁶ Там же. С. 10.

Обзор источников и литературы

⁷ Голдман Э. Проживая свою жизнь : автобиография. М., 2018. Ч. 3. С. 106.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ Там же. С. 284, 285.

¹⁰ Berkman A. The Kronstadt Rebellion. Berlin, 1922. P. 20.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 24.

¹³ Ibid. P. 39.

¹⁴ Ibid. P. 42.

¹⁵ Ibid. P. 29.

¹⁶ Katkov G. The Kronstadt Rising // Soviet Affairs Number Two. London, 1959.

¹⁷ Ibid. P. 21.

¹⁸ Ibid. P. 36.

¹⁹ Ibid. P. 41.

²⁰ Ibid. P. 42.

²¹ Ibid. P. 44.

²² Pollack E. The Kronstadt Rebellion (The First Armed Revolt against the Soviets). N.Y., 1959.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Ibid. P. 39.

Слова благодарности

Данная работа является своеобразным продолжением моих предыдущих книг «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге» и «1917–1920. Огненные годы Русского Севера». Книга «Кронштадтское восстание. 1921. Семнадцать дней свободы» рассказывает о самой крупной попытке осуществления Третьего пути после окончания основных событий Гражданской войны в 1921 г.

Мне хотелось бы выразить благодарность многим людям, оказавшим прямую или косвенную помощь в создании этой книги. В первую очередь я глубоко благодарен моей жене Алле, моему преданному другу и помощнику на протяжении многих лет нашей совместной жизни, она оказывает мне колоссальную поддержку, всегда терпеливо и с пониманием относится к научным «штудиям» своего мужа, является моим неоценимым помощником при создании этой и предыдущих книг. Во время нашей работы в архивах России, Финляндии и США она помогла мне обработать и снять копии со многих тысяч документов. В ее переводе в этой книге приводится работа американского анархиста Александра Беркмана «Кронштадтский мятеж».

Очень большую помощь мне оказали работники архивов, и в первую очередь Л. Г. Аронов, сотрудник ГАРФа, и А. В. Шмелев, директор Архива Гуверовского института Стэнфордского университета. В работе в Национальном архиве Финляндии для меня была путеводной звездой Марина Витухновская-Кауппала, доцент Хельсинского университета, доктор философии. Особо хотелось бы отметить благожелательное отношение работников Национального архива Финляндии и Архива МИДа Финляндии. В последнем,

Слова благодарности

несмотря на ремонт, нам предоставили для работы отдельную комнату. Также я хочу выразить благодарность библиотекарю Национальной библиотеки Финляндии Ирине Лукка, оказавшей мне большую помощь в работе с коллекцией финских газет, в том числе и на русском языке, и доктору исторических наук Г. Н. Ульяновой за поддержку и практические советы.

На протяжении многих лет я обсуждаю все мои научные замыслы с моими близкими друзьями — профессором, доктором исторических наук К. Н. Морозовым и его женой, кандидатом исторических наук А. Ю. Морозовой. Я приношу благодарность кандидатам исторических наук М. В. Соколову и Е. Н. Струковой, а также Н. Липилиной за предоставленную мне возможность участвовать в различных конференциях и дискуссиях, посвященных моей научной тематике, что оказалось мне определенную помощь при написании этой книги.

Моя искренняя благодарность сотрудникам замечательного издательства «Нестор-История», которое прекрасно издало две мои предыдущие книги и теперь издает третью: директору издательства, доктору исторических наук С. Е. Эрлиху, заместителю директора Е. Ф. Качановой и всех принимавшим участие в выпуске трех изданий.

Моя отдельная благодарность Е. И. Кондрахиной, предоставившей мне материалы из архива Петербургского НИЦ «Мемориала»* и Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге; доктору исторических наук А. В. Ганину, научные работы которого и публикации архивных документов помогли мне в написании книги; профессорам Б. И. Колоницкому, Я. В. Леонтьеву и кандидату исторических наук П. Гусеву, научные труды и общение с которыми также помогали мне в работе.

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента.

Глава I

Балтийский флот в 1900–1920 гг.

1. Флот в революцию 1905–1907 гг.

Первую мировую войну Балтийский флот, как и вся русская армия, встретил в разгар перевооружения. К началу войны в состав Балтийского флота входили: 4 линкора, 6 броненосных и 4 легких крейсера, 13 эсминцев, 50 миноносцев, 6 минных заградителей, 13 подводных и 6 канонерских лодок. Балтийский флот был самым мощным в Российской империи. Из 14 крейсеров 10 входили в состав Балтийской эскадры. Самыми мощными судами русского флота были линкоры «Петропавловск» и «Севастополь». К 1917 г. во флоте насчитывалось 137,2 тыс. нижних чинов. Из них на Балтике служило 83,9 тыс. человек. Но, несмотря на наличие в Балтийском флоте эскадры из 4 новых линкоров, русский флот значительно уступал германскому. Командир линкора «Петропавловск», контр-адмирал В. К. Пилкин писал: «Силы наши были ничтожны, по сравнению с немцами. Но Балтийский флот держал нашего противника в напряжении, нанося ему чувствительные удары, иногда у самых его берегов. <...> Немцы не хотели верить, что русские моряки, на старых колошах, — судах, принимавших участие еще в Японской войне, современники которых у немцев давно уже стояли блокшивами в их портах, если не были разобраны, осмеливались в зимние ночи, пробиваясь через лед, выходить в море и под самыми неприятельскими берегами, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых один за другим взрывались суда неприятеля»¹. Флот под командованием талантливых полководцев — командующего флотом адмирала Н. О. фон Эссена и контр-адмирала А. В. Колчака проводил активные операции по постановке минных заграждений, резко затруднявших действия немецких судов. В 1914–1917 гг. немцы

потеряли на Балтике 53 боевых и 49 вспомогательных судов; русские потери — 36 боевых кораблей.

Одной из главных проблем русского флота были напряженные отношения между командами и офицерами. В других родах войск в России не было таких классово-социальных противоречий между рядовыми и командирами, как во флоте. По данным призывных комиссий, среди матросов, призванных в 1914–1916 гг., было 23,12% фабрично-заводских рабочих и 23,94% полупролетариев. В армии среди призванных в 1914–1916 гг. около 85% были крестьяне. В морской кадетский корпус, с 1915 г. — Морское училище, учебное заведение, которое закончили практически все строевые офицеры Балтийского флота с 1894 г., принимали только потомственных дворян и детей морских офицеров (также дворян). Из принятых в корпус в 1910–1915 гг. 1128 человек 1033 человека (91,5%) были потомственными дворянами и 17 человек (1,6%) личными дворянами². Среди морских офицеров значительно выше, чем в армии, был процент немцев, в основном представителей прибалтийского дворянства. Это усиливало напряжение между матросами и офицерами, особенно в условиях войны. Хотя подавляющее большинство морских офицеров немецкого происхождения были русскими патриотами, но встречались и исключения. Пилкин описывал одного из них: «Фон Рейер, 1-й Армин Карлович <...>, капитан 2-го ранга <...>. Дворянин, уроженец Лифляндской губ. <...> Это был типичный немец, не прибалтийского, а германского типа. Говорил по-русски с акцентом, сильно ругался, и, самое неприятное, ужасно бил матросов по морде; особенно часто он бил одного из горнистов. Делал он это из презрения к русским мужикам. <...> Это прототип германского фашиста. Кроме него я немцев-офицеров такого типа на флоте не видел»³.

Если после революции 1905–1907 гг. физические наказания фактически полностью исчезли из жизни русской армии, то во флоте они были распространенным явлением. Налагать наказания — до 50 ударов линьками или розгами мог старший офицер или командир корабля. Во флоте к физическим наказаниям часто прибегали даже выдающиеся российские флотоводцы. Пилкин, высоко оценивавший генерала А. В. Колчака, тем не менее вспоминал: «Молодым

Глава I

офицером, на “Аскольде”, Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы. В баллотировочной комиссии ст. офицер “Аскольда” Л. К. Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой»⁴.

Современники отмечали изменения в командах кораблей Балтийского флота: «Команды, которые прежде набирались с берегов Белого моря, Волги и других больших рек, стали вербовать на фабриках, так как требовались техники, машинисты, кочегары и т. п. Это были уже совсем другие матросы»⁵. Стремительный рост числа новых матросов из рабочих, с одной стороны, и морских офицеров из дворянских семей, с другой, способствовали обострению обстановки на кораблях и революционной радикализации команд. На это влияло также общение матросов с рабочими, занятыми на строительстве кораблей, близость главной базы Балтийского флота в Кронштадте к Петрограду.

Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., уничтожение русского флота японцами в Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г. также способствовали росту революционных настроений. Крупнейшие восстания в Вооруженных силах России во время революции 1905–1907 гг. происходили во флоте: на Черноморском флоте 25 июня 1905 г. — на броненосце «Потемкин», 11–16 ноября 1905 г. — восстание лейтенанта Шмидта; на Балтийском флоте: 15–18 июня 1905 г. — в Либаве, 17 июля 1906 г. — в Свеаборге и Кронштадте. Более грозный характер носило восстание в Кронштадте в октябре 1905 г. Оно началось стихийно 26 октября после того, как 40 солдат 2-го Крепостного батальона были арестованы. Матросы попытались освободить их, но при столкновении с конвоем двое из них были убиты. В ответ восстали 4-й и 7-й флотские экипажи, а также учебно-минный и учебно-артиллерийские отряды. К концу дня к восстанию присоединились матросы других флотских экипажей, а также солдаты, минеры и артиллеристы (всего около 3000 матросов и 1500 тыс. солдат). Кронштадт практически оказался в руках восставших. Но стихийный характер восстания привлек к разгрому продовольственных и винных складов и магазинов и к убийствам офицеров.

27 октября прибывшие из Петербурга войска подавили восстание, военный суд приговорил 9 участников к каторжным работам, 68 – к различным срокам тюремного заключения⁶.

В отличие от Кронштадтского восстания 1905 г., восстание в 1906 г. в Кронштадте и Свеаборге готовила подпольная военная организация, в которую входили социалисты-революционеры и социал-демократы. 18 июня, получив известия о начале восстания в Свеаборгской крепости, руководство военной организации в Кронштадте приняло решение о немедленном выступлении. Вечером 19 июня выступили матросы 1-й и 2-й флотских дивизий, минеры, солдаты электронной минной роты и рабочие. Они захватили здание морского арсенала, но в нем не было оружия. Попытка использовать артиллерию батареи «Литке» и форта «Константин» не удалась. Команды стоявших в гавани судов были изолированы и не могли поддержать восставших. После обстрела артиллерией и прибытия войск из Петрограда восставшие сдались утром 20 июня. По приговору военных полевых судов были расстреляны 36 участников восстания, а 228 отправлены на каторгу⁷. В результате восстания и ряда террористических актов, совершенных матросами, руководители страны стали опасаться собственного флота. Военный министр в 1905–1907 гг., генерал А. Ф. Редигер прямо писал об этом: «Продолжающиеся на флоте беспорядки делали из него элемент опасный для государства. <...> Состояние флота становилось все хуже, и он являлся несомненной опасностью для страны»⁸. Редигер был решительным противником усиления флота. 21 ноября 1906 г. при докладе Николаю II он заявил: «...флот, раньше всего, надо сократить, чтобы привести его в порядок, а отнюдь не гоняться за его усилением, чтобы не создавать “потемкинских дворцов”»⁹. Он писал о принятых мерах: «...сразу уволили два лишних срока службы. Если бы флот имел какое-либо боевое значение, то можно было бы говорить о полном расстройстве его состава и нарушении его обучения. Теперь же это является лишь мерой, крайне полезной для сокращения состава бунтующих вооруженных команд»¹⁰.

Говорить о каких-то осмысленных революционных настроениях балтийских матросов не приходится. Матросы были возмущены палочной дисциплиной, установленной офицерами, и давали выход

своей ненависти в диких бунтах, чем-то напоминающих действия толп Разина и Пугачева. В 1905 г. властям удалось направить гнев матросов на другие цели. В конце ноября 1905 г. было принято решение о формировании нескольких батальонов из состава флотских экипажей. В батальонах было много участников недавних волнений. Они предназначались для подавления революционных выступлений в Прибалтике, где эстонские и латышские крестьяне громили замки и усадьбы и убивали немецких помещиков и арендаторов. Вначале были сформированы два батальона под командованием морских офицеров — прибалтийских немцев. Было много опасений в надежности матросов, вступивших в батальоны. Но уже после начала их действий в конце декабря местные власти и немецкое население вздохнули спокойно. Начальники отмечали отличные действия матросов, только иногда упрекали их в излишней жестокости и в массовом потреблении алкоголя¹¹. В полном восторге от матросов был император. 29 декабря 1905 г., вскоре после прибытия матросских батальонов в Прибалтику, он писал матери, что они «действуют отлично; много банд уничтожено, дома и их имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором»¹². «Очень был обрадован, — писал о действиях матросов командир 1-го матросского батальона, капитан 2-го ранга О. О. Рихтер, — что команда поняла, что имеет дело со зверским, мстительным народом, и, конечно, не ждет, пока ее заденут, а стреляет во всякого». Матросы настолько вошли во вкус кровавых расправ, что, как писал Рихтер, их «приходится удерживать»¹³.

Обрадованные «успешными» действиями матросов власти сформировали еще три морских батальона. Местные жители — немцы послали благодарность морскому министру, подчеркивая, что они чувствуют себя под защитой моряков как за каменной стеной¹⁴.

Революционная пропаганда на Балтийском флоте не прекращалась и после начала Первой мировой войны. 19 октября 1915 г. на линкоре «Гангут» вспыхнули волнения. На сухопутном фронте шли тяжелые бои, и русская армия несла колоссальные потери. В 1914–1917 гг. среди офицеров число убитых, раненых и пленных составило 712 983. Это число превышало количество офицеров в начале войны. Для их замены в школах прaporщиков и военных

училищах организовали массовый выпуск офицеров. К середине 1917 г. 80% всех произведенных в офицеры были выходцами из крестьян и только 4% из дворян. Социальный состав армейского офицерства соответствовал социальному составу населения страны. Во флоте ничего подобного не происходило. Боевые действия носили ограниченный характер, потери были сравнительно небольшие. За Первую мировую войну русский флот потерял до Февральской революции 140 человек офицерского и административно-хозяйственного состава¹⁵. К 1 января 1917 г. он насчитывал в своем составе 6095 офицеров и адмиралов. В подавляющем большинстве они служили во флоте до начала войны. С начала войны и до 1 января 1917 г. во флот было призвано из запаса и морского ополчения 578 офицеров¹⁶. Флотское офицерство оставалось в большинстве своем замкнутой дворянской кастой, которой противостояла масса рядового состава с самой большой пролетарской прослойкой в русской армии. Многие из матросов служили во флоте в довоенные времена, среди мобилизованных было много участников революции 1905–1907 гг. Поэтому революционные события в феврале 1917 г. носили во флоте, в первую очередь на Балтике, особенно кровавый характер.

2. Кровавый март на Балтике. Кронштадт — отдельное государство

Февральская революция, видимо, в шутку была названа мирной. Хотя по сравнению с тем, что происходило в стране с октября 1917 г., она была относительно мирной. Она стала тяжелым испытанием для русского офицерства. Но если на фронте и в тыловых гарнизонах офицеры подвергались избиениям, издевательствам, унижениям, но убивали их сравнительно редко, то на Балтийском флоте убийства сразу приняли массовый характер.

После получения известий о событиях в Петрограде 2 марта 1917 г. толпа матросов вытащила из дома главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта

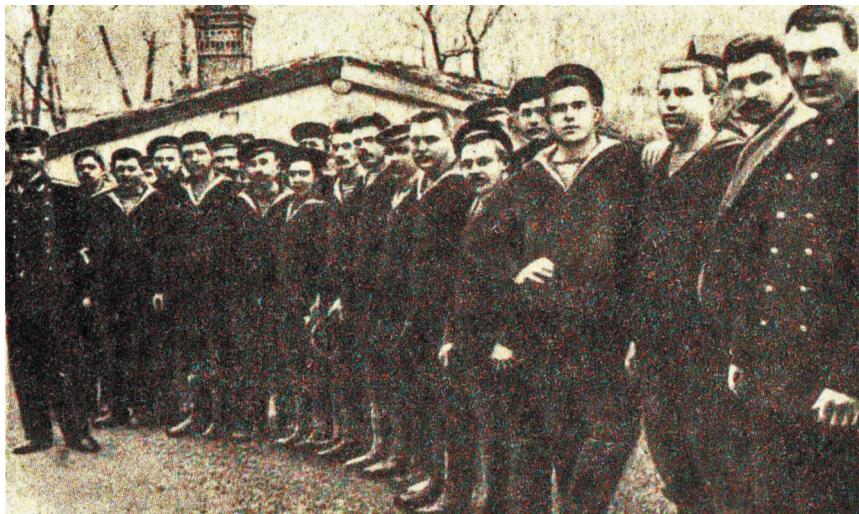
Р. Н. фон Вирена, известного своим жестоким отношением к матросам, сорвала погоны и, избивая по дороге, притащила на Якорную площадь, где его убили, а труп бросили в овраг. Вирен при прекрасных качествах флотоводца отличался большой жестокостью. В письме адмиралу графу А. Ф. Гейдену 15 сентября 1916 г. он сообщает, как собирается бороться со все усиливающимися революционными настроениями во флоте: «Я не остановлюсь перед крайними мерами. Если потребуется, введу вместо розги — плеть, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест»¹⁷. Некоторых офицеров убивали прямо на кораблях. Старший лейтенант Н. Н. Ивков, командир учебного судна «Африка» и капитан 1-го ранга, начальник Водолазной школы, были убиты за отказ выдать оружие восставшим толпам. Если до 1 января 1917 г. Балтийский флот потерял убитыми 94 офицера, то во время мартовских расправ, по подсчетам русского историка С. В. Волкова, Балтийский флот потерял 120 офицеров, из них 24 были убиты в Кронштадте¹⁸. Среди историков существуют различные мнения по поводу числа погибших. М. А. Елизаров считает, что на Балтийском флоте погибло около 100 офицеров, из них в Кронштадте — около 40¹⁹.

Авторы из революционного лагеря любили рассказывать трогательные истории, как матросы заботились о «хороших» офицерах. Ф. Ф. Раскольников писал: «Часами (матросы. — Л. П.) разыскивали своих офицеров по другим частям, требовали от арестованной команды их освобождения под свое поручительство, уводили затем в безопасное пристанище <...> и еще более, они одевали офицеров в собственную форму и водили на свидание с семьями или с друзьями»²⁰. Действительность была очень далека от этой радужной картины. Если такие случаи и были, то крайне редко. Обычно матросы не препятствовали матросам с других судов расправляться со своими офицерами, в том числе и с теми, к которым они хорошо относились.

После Февральской революции вся страна представляла собой один бесконечный митинг. После многовековой неволи люди спешили высказаться, чтобы потом замолчать до конца 1980-х гг. Но Кронштадт выделялся даже на фоне этой нескончаемой говорильни. Митинги на Якорной площади собирали колоссальные

Оглавление

Введение	3
Обзор источников и литературы.....	5
Слова благодарности.....	14
Глава I. Балтийский флот в 1900–1920 гг.....	16
1. Флот в революцию 1905–1907 гг.	16
2. Кровавый март на Балтике. Кронштадт — отдельное государство.....	21
3. Флот углубляет революцию	26
4. Моряки — ударная сила большевиков	36
5. Первые столкновения	50
Глава II. Начало восстания	65
1. Положение в стране в конце 1920 — начале 1921 г. «Петроградская волынка».....	65
2. Матросы Кронштадта в первые месяцы 1921 г.....	72
3. Кронштадтская резолюция.....	84
4. События в Ораниенбауме.....	102
5. Рабочие Петрограда во время восстания.....	106
6. Идеология восставших	115
Глава III. Первый штурм	133
1. Флот, форты, матросы, солдаты и офицеры Кронштадта	133
2. Коммунисты	142
3. Большевистское руководство принимает меры	146
4. Атака	164
Глава IV. Подготовка второго штурма и падение Кронштадта.....	182
1. Коммунисты, чекисты, заградители	182
2. Пехота, артиллерия, авиация.....	191
3. Кронштадт укрепляет оборону	204
4. Второй штурм и падение Кронштадта	214
Глава V. Кронштадтцы после падения Кронштадта.....	240
1. Жизнь в Финляндии	240
2. Расправа	259
Приложение. <i>Александр Беркман. Кронштадтский мятеж 1922.</i>	277
Список использованных источников и литературы.....	313
Именной указатель	324
Список основных сокращений.....	329

Участники восстания под руководством лейтенанта Шмидта

Адмирал А.В. Колчак

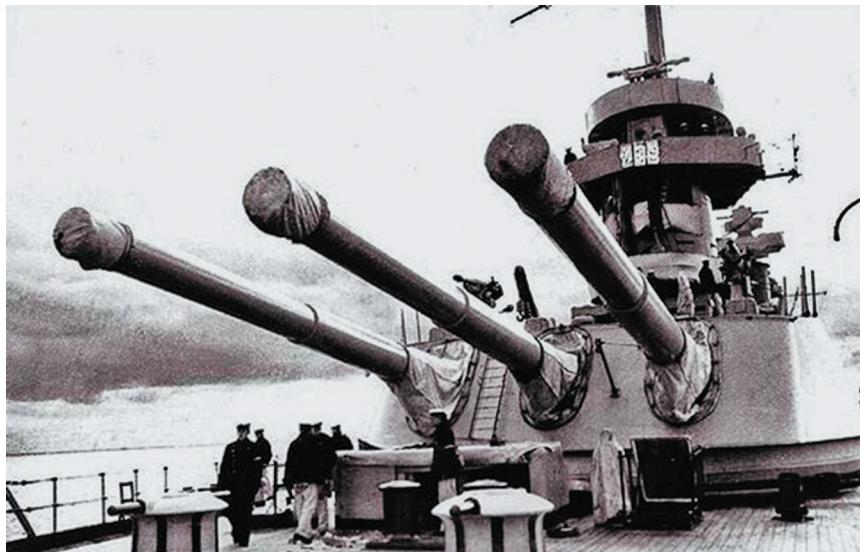
Адмирал Р.Н. Вирен

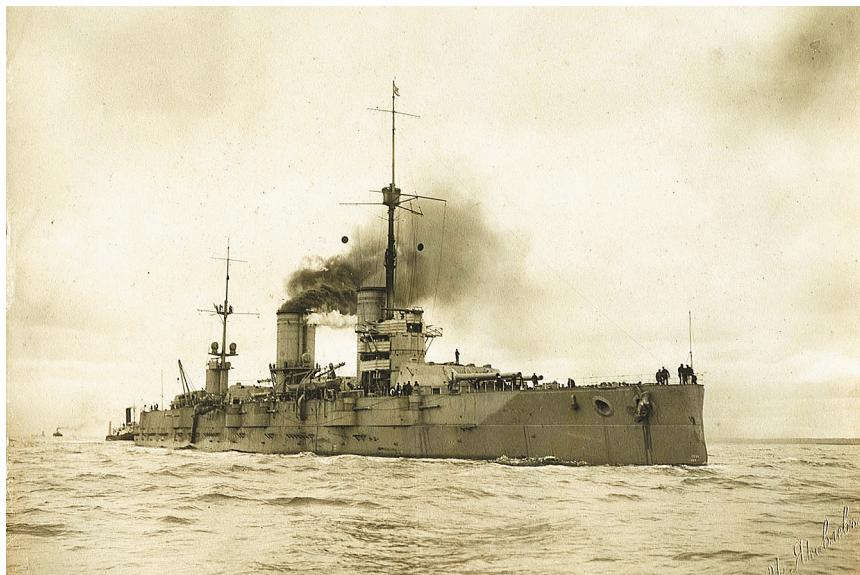
«Смерть буржуям»

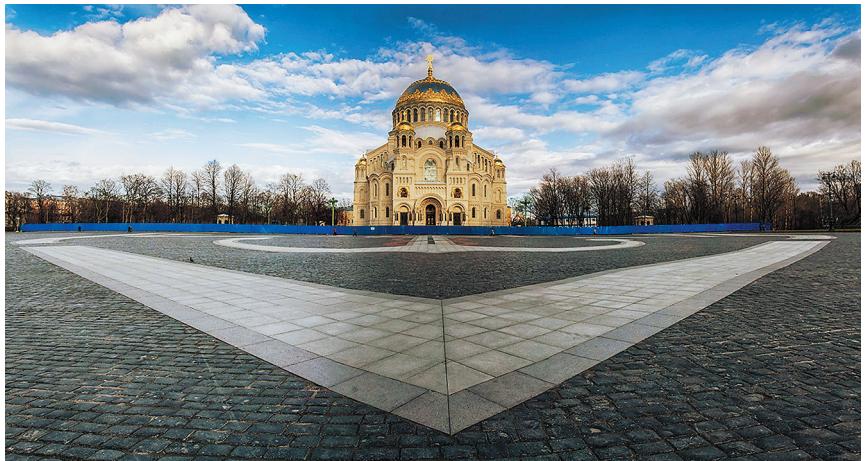
Ф. Ф. Раскольников и Лариса Рейснер

Линкор «Петропавловск». Башня главного калибра

Линкор «Севастополь»

Якорная площадь. Современный вид

Митинг на Якорной площади. Март 1917 г.